

Чжан Чэнлин был потрясен. Неужели, как утверждал молодой глава павильона Лун Сяо, дядя Гао собирается вскрыть Оружейную втайне от всех?

Пока Чэнлин размышлял об этом, те же мысли терзали и собравшихся на площади героев. В этот момент Лун Сяо громко провозгласил:

— Оружейная принадлежит всему миру, и никто не имеет права присвоить её себе!

Толпа взорвалась гулом. В глазах большинства, устремленных на Гао Чуна, разгорелась ярость.

Старейшина Хуан Хэ, чьи глаза налились кровью, закричал:

— Видите? Гао Чун и впрямь вознамерился утаить сокровища Оружейной! Тьфу! Бесстыдник!

— Лун Сяо! — Шэнь Шэнь, не выдержав, взлетел на помост. — Лун Сяо! Когда мой старший брат угрожал твоему отцу или пытался его подкупить? Ты несешь чепуху на глазах у стольких людей, неужели не боишься, что я убью тебя прямо здесь?

Чжао Цзин, напротив, выглядел растерянным. Он обратился к Лун Сяо:

— О чем ты говоришь? Зачем ты меня обманываешь? Что у тебя на уме? — Затем он обернулся к толпе и воскликнул: — Господа, не верьте ему! Мой брат никогда не досаждал павильону Лунъюань!

Однако попытка Чжао Цзина лишь разожгла подозрения. Герои не верили ни единому слову, требуя выдать им Осколок глазури.

Чжао Цзин с выражением муки и раскаяния опустился перед Гао Чуном на колени:

— Брат, прости меня. Я обыскал весь павильон Лунъюань, но ничего не нашел. Это он сам меня разыскал и пообещал дать показания. — Он, стоя на коленях, принялся бить поклоны, заливаясь слезами. — Я подвел тебя, я навлек на тебя беду!

Чжан Чэнлин стоял в замешательстве. Дядя Чжао и дядя Гао — побратимы, неужели, даже совершив ошибку, нужно вот так унижаться перед всеми?

Гао Чун, видя недоверие в глазах окружающих, произнес:

— У меня, возможно, возникли некоторые недопонимания с отцом молодого господина Луна. Но я уверяю всех: у меня нет ни малейшего корыстного интереса к Оружейной!

Ему не верили, продолжая требовать Осколок глазури.

Гао Чун поднял руку:

— Я готов поклясться небом: как только мы уничтожим Долину призраков, я вместе с молодым господином Луном раздам все секретные техники из Оружейной всем школам! Если я солгу, пусть меня разрубят на куски!

Люди в цзянху придавали клятвам огромное значение, и столь суровое обещание заставило толпу усомниться.

Гао Чун решил действовать решительно:

— Раз возражений нет, так тому и быть! — Он приказал проводить Лун Сяо, поднял Чжао Цзина, а затем подозвал Чэнлина: — Есть еще кое-что, о чем я хочу объявить. Это Чжан Чэнлин, сирота моего четвертого брата Чжан Юйсеня и последний наследник школы Цзинху. Сегодня я решил обручить с ним свою младшую дочь.

Чэнлин был ошеломлен. Теперь, когда дядя Гао объявил об этом при всех, отступить будет невозможно.

Гао Чун улыбнулся Чэнлину, словно исполнив заветное желание:

— В будущем он, как мой зять, вместе с моей любимой дочерью будет управлять школами Юэян и Цзинху. А я после этого постригусь в монахи и остаток дней проведу в молитвах, не вмешиваясь в мирские дела.

Все были поражены. Шэнь Шэнь громко возражал, а Чжао Цзин не переставал рыдать.

Гао Чун, не обращая на это внимания, прыгнул с помоста, намереваясь скрепить кровью союз с героями для похода на Долину призраков.

Но тут снова вмешался старейшина Хуан Хэ:

— Глава Альянса Гао, а как быть с техникой Шести гармоний и Книгой Инь-Ян из Оружейной?

Толпа снова заволновалась. Это были легендарные сокровища, обладатель которых стал бы непобедимым.

Хуан Хэ подозрительно прищурился:

— Глава Гао, эти бесхозные вещицы не окажутся ли в итоге у вас в кармане?

Гао Чун, не выдержав, рявкнул:

— Кто сказал, что они бесхозные? У Жун Сюаня была школа, и как только мы откроем Оружейную, мы вернем технику Шести гармоний его наставникам. А Книга Инь-Ян принадлежит Долине божественного лекаря, и её следует вернуть туда.

— Но там же никого не осталось в живых! — тут же раздался выкрики. — Наш глава дружил с Долиной, поэтому книга должна достаться нам!

Кто-то рассмеялся:

— Какая дружба? Почему бы тебе сразу не сказать, что ваш глава был внуком лекаря?

Другой выкрикнул:

— Наша школа Пяти тигров понесла огромные потери, Книга должна принадлежать нам!

Начался шумный спор, каждый доказывал свою правоту. Чжан Чэнлин молча наблюдал за этим, думая о словах наставника: это была не что иное, как жадность.

Гао Чун хотел что-то сказать, но вдруг с неба посыпались бумажные деньги. Все замерли.

— Это Долина призраков! Люди из Долины пришли!

Чэнлин взглянул в толпу, но никого не увидел. Раздался вкрадчивый голос:

— Глава Гао, вы поистине коварны! Глупый Призрак с длинным языком только что помог вам уничтожить школу Цзинху, а вы тут же избавились от него, чтобы замести следы. Призрак скорби, убивающий учеников школы Даньян, Призрак радости, устроивший засаду на Ао Лайцзы — разве не вы ими управляли?

Герои были в шоке, особенно ученики школы Тайшань, смотревшие на Гао Чуна с нескрываемой ненавистью.

Голос продолжал:

— Мы договаривались поделить сокровища после того, как соберем все Осколки глазури. Но как только у вас оказалось три части, вы тут же нарушили слово и решили уничтожить Долину.

Гао Чун взревел:

— Кто ты? Не смей клеветать! Мудрый не станет слушать этот бред!

— Ты и впрямь думаешь, что наша Долина призраков позволит тебе вертеть ею как хочешь? Ха-ха! — голос затих вдаль.

В этот момент появился мужчина в белом одеянии с пустым, остекленевшим взглядом. Кто-то узнал его:

— Это же Дэн Куань, лучший ученик школы Юэян! Разве он не погиб?

Дэн Куань подошел и безжизненно произнес:

— Довольно, учитель.

— Куань-эр? — Гао Чун был поражен.

Дэн Куань словно не слышал его:

— Господа, я Дэн Куань. Я не умер, Гао Чун держал меня в заточении. Это он приказал мне проникнуть в школу Цзинху и помочь Призраку с длинным языком уничтожить семью Чжан.

Гром среди ясного неба. Чэнлин почувствовал, как онемела половина тела. Неужели дядя Гао погубил его семью?

Гао Чун вскрикнул:

— Куань-эр, что ты несешь?

Дэн Куань продолжал монотонно:

— Гао Чун, ты предал Альянс пяти озер — это неверность. Убил побратимов — это отсутствие братской любви. Погубил сироту школы Цзинху — это отсутствие человечности. Сговорился с Долиной призраков — это отсутствие справедливости. Я, Дэн, помогал злодею и не достоин жизни. Сегодня я искуплю свою вину смертью! — С этими словами он вонзил кинжал себе в живот.

Гао Чун закричал:

— Куань-эр!

Ученики школы Юэян бросились к нему, пытаясь остановить кровь. Гао Чун стоял, открыв рот, не в силах дышать. Он понял: это ловушка, расставленная со всех сторон. Оглядевшись, он собрался с силами и произнес:

— Всю жизнь я служил справедливости, я чист перед небом и братьями! — Его голос дрожал от волнения. — Сегодня я оказался в сетях заговора, и оправдываться бесполезно. Моя совесть чиста! Верите вы или нет — больше говорить не о чем!

Он раскинул руки:

— Ну же, моя голова здесь, приходите и забирайте!

Все замерли, ошеломленные. Но вдруг кто-то крикнул:

— Мой сын погиб, зачем мне теперь эта жизнь! — и бросился с мечом на Гао Чуна.

Началась резня. Ученики школы Юэян пытались защитить учителя, но их было слишком мало. Гао Чун был вынужден обнажить меч, но сражался лишь рукоятью, никого не убивая.

Чэнлин смотрел на бой с помоста, охваченный смятением. Неужели это правда? Неужели дядя Гао? Но нет, аура дяди Гао до сих пор была зеленой, те люди, должно быть, лгали. Дядя всегда был добр к нему, он должен верить своим чувствам.

Он потянулся к мечу Гао Чуна, воткнутому в помост, намереваясь помочь. Но чья-то рука легла ему на плечо.

— Уходим, — сказал Чжоу Сюй.

Чэнлин не успел ответить, как Чжао Цзин атаковал Чжоу Сюя. Завязался бой, и, убедившись, что наставник в безопасности, Чэнлин снова потянулся к мечу.

— Чэнлин, берегись! — раздался голос Гао Чуна.

Чэнлин обернулся и увидел старейшину Хуана Хэ, который уже пробрался на помост с зловещей ухмылкой. В этот момент прилетел белый веер, оттеснив Хуана Хэ, и на помост опустился человек в синем.

— Дядя Вэнь! — обрадовался Чэнлин.

Вэнь Кэсин, изящный и прекрасный, встал рядом с Чжоу Сюем, который уже одолел Чжао Цзина. Их взгляды встретились, и в них отразилось целое море чувств.

Гао Чун, отбиваясь от нападавших, крикнул:

— Скорее уводите Чэнлина!

Вэнь Кэсин и Чжоу Сюй, переглянувшись, схватили Чэнлина и быстро отступили.

— Наставник, дядя Вэнь, постойте! Я хочу знать, что с дядей Гао! — умолял Чэнлин.

Они остановились на возвышении, глядя на битву сверху. Чэнлин видел, как Гао Чун, не желая никого убивать, получал рану за раной. Когда кто-то свалил стелу Пяти озер, Гао Чун пришел в ярость и сразил обидчика.

Затем он достал что-то, раздавил это в руке, прошептал несколько слов и с размаху ударился головой о стелу. Череп треснул, и он замертво рухнул на землю.

Чэнлин был в ужасе. Почему дядя Гао покончил с собой? Он был силен, мог бы сбежать! Слезы хлынули из глаз мальчика. Дядя Гао, дядя Гао с зеленой аурой — он мертв. Чэнлин хотел броситься вниз, но Чжоу Сюй удержал его:

— Сейчас нельзя!

Чэнлин сквозь пелену слез смотрел, как толпа, словно стая бешеных псов, набросилась на тело Гао Чуна. В тот момент, когда он умер, цвета ауры всех людей внизу мгновенно сменились на красный. Они рвали тело на части, радуясь каждой отхваченной доле, словно обрели великое сокровище.

Гао Чун погиб, не имея даже права на целое тело.

Чэнлин почувствовал, как мир потемнел, и потерял сознание.

Чэнлин очнулся в пещере, лежа на верхней одежде наставника. Он приподнялся и увидел Чжоу Сюя и Вэнь Кэсина, стоящих у входа. Снаружи моросил дождь, и его свет был единственным источником освещения.

Заметив, что Чэнлин очнулся, они подошли к нему.

— Проснулся? — мягко спросил Чжоу Сюй.

— Да, — тихо ответил Чэнлин, чувствуя тяжесть на душе.

— Постарайся больше об этом не думать, — Чжоу Сюй погладил ученика по голове.

— Чэнлин, есть вещи, которые тебе не под силу изменить, — добавил Вэнь Кэсин.

Чэнлин кивнул, а затем спросил:

— Дядя Вэнь, как твои раны?

— Ты ранен? — Чжоу Сюй с тревогой осмотрел Вэнь Кэсина.

— Пустяки, — небрежно улыбнулся тот. — Просто царапины, не стоит беспокоиться.

Чжоу Сюй нахмурился. Чэнлин предложил:

— Дядя Вэнь, позволь мне тебя подлечить.

— Нет, — отрезал Вэнь Кэсин. — Чэнлин, раз ты очнулся, сначала помоги своему наставнику.

Чэнлин кивнул. Чжоу Сюй, видя настойчивость Вэнь Кэсина, позволил ученику начать лечение.

— Чэнлин, не трать всю внутреннюю энергию, половины будет достаточно, — наставлял Чжоу Сюй.

— Хорошо, наставник, тебе стало лучше?

— Да, намного, — ответил Чжоу Сюй.

Чэнлин убрал руки, но на сердце было по-прежнему тяжело. Смерть дяди Гао не давала ему покоя. Чжоу Сюй снова утешил его, но Чэнлин не выдержал и заплакал. Он встал и, обняв наставника и дядю Вэня, разрыдался у них на груди.

Они переглянулись, удивленные внезапным порывом мальчика. Вэнь Кэсин, обычно не лезущий за словом в карман, сейчас замер, чувствуя тепло тела Чжоу Сюя через тонкую ткань одежды.

Тишина была красноречивее слов.

Вдруг они оба схватили Чэнлина и отпрыгнули в сторону. В пещеру влетел мешок, в котором что-то шевелилось. Чэнлин испуганно икнул.

Следом влетел человек в белом с зонтом. Он отбросил зонт и, увидев, как Чжоу Сюй и Вэнь Кэсин обнимают Чэнлина, приподнял бровь:

— Счастливое семейство?

Чэнлин растерялся:

— Наставник?

Вэнь Кэсин поспешно отстранился и кашлянул. Чжоу Сюй тоже поправил одежду и велел ученику встать ровно.

— Ученик Цинь Хуайчжана, а это кто? — спросил человек в белом.

— Господин Е, это мой ученик Чжан Чэнлин, — представил его Чжоу Сюй. — Чэнлин, это господин Е Бай И.

Е Бай И окинул мальчика взглядом:

— Бестолковый. С каждым поколением всё хуже.

Чэнлин был в недоумении: этот человек выглядел молодым, почему наставник называет его господином? Но, будучи воспитанным, он приготовился поклониться, когда Вэнь Кэсин перебил его:

— Даже если мой ребенок и глуп, это всё же лучше, чем болтать чепуху, как старый монстр.

Чэнлин удивленно посмотрел на дядю Вэня. Тот всегда был воплощением изящества, почему

он так дерзко разговаривает с гостем?

— Твой ребенок? — Е Бай И усмехнулся. — Ты тоже из поместья Четырех сезонов?

Вэнь Кэсин замялся, взглянул на Чжоу Сюя и промолчал. В этот момент из мешка донеслись звуки. Вэнь Кэсин спросил:

— Кто там?

— А кого бы ты хотел там увидеть? — парировал Е Бай И.

— Тебя.

— Значит, это точно не я, — усмехнулся старик.

Вэнь Кэсин вспыхнул от гнева, готовый броситься в бой, но Чжоу Сюй удержал его:

— Оставь, не стоит.

— Ты, старый монстр, с лицом блее, чем у женоподобного юнца! — не унимался Вэнь Кэсин.

— Думаешь, ты мне ровня? — Е Бай И с презрением указал на выход. — Выходи, сразимся.

Вэнь Кэсин посмотрел на Чжоу Сюя:

— А-Сюй, не держи меня! — и дернулся вперед.

Чжоу Сюй снова удержал его:

— Полно тебе. Господин Е, на улице дождь, может, выберем день получше для петушиных боев?

Вэнь Кэсин неохотно успокоился, тайком коснувшись того места, где его держал Чжоу Сюй, и слегка поджал губы. Е Бай И хмыкнул и замолчал.

Чэнлин наконец поклонился:

— Младший Чжан Чэнлин приветствует господина Е.

Е Бай И хмыкнул, пригляделся к Чэнлину и вдруг удивленно воскликнул:

— А ты довольно странный.

Чэнлин не понял, в чем странность.

— Мой ученик — сирота Чжан Юйсеня, — пояснил Чжоу Сюй.

— Сын Чжан Юйсеня? — Е Бай И смягчился. — Вижу, ты постиг необычную технику, неплохо, неплохо.

Чэнлин поразился: неужели Е Бай И с одного взгляда понял, что он практикует «Облачный наряд»?

Е Бай И посмотрел на Чжоу Сюя:

— Удачно ты взял ученика. Он может лечить, а ты ранен — идеальная пара. Когда он доведет мастерство до совершенства, возможно, сможет тебя спасти.

Чжоу Сюй слегка улыбнулся. Вэнь Кэсин просиял:

— Правда? Как замечательно!

Е Бай И бросил на него холодный взгляд:

— Чему ты радуешься?

<http://bllate.org/book/19787/1949951>